

Берега юбилеев

Геннадий Сазонов

Геннадий Алексеевич Сазонов – поэт, прозаик, публицист. Окончил факультет журналистики Ленинградского государственного университета. Отработал в печати более 40 лет, в том числе собкором газет «Правда», «Труд» – на Южном Урале (Оренбург), в Вологодской, Новгородской, Архангельской областях, республиках Карелия и Коми. В настоящее время издано 35 книг поэзии, прозы, публицистики. Публиковался в журналах: «Берега», «Север», «Москва», «ЛАД вологодский», «День и ночь», «ДОН новый», «Врата Сибири», «Пятницкий бульвар» и других. Лауреат ряда литературных премий и конкурсов: лауреат журнала «Берега» за 2022 год (номинация проза), Международной литературной премии Главы Республики Карелия «Во славу Отечества» им. Г. Р. Державина за 2022 год (номинация литературоведение), лауреат Филофеевской литературной премии за 2022 год за книгу прозы «Яблоки небесные» (Архиерейская Грамота Митрополита Тобольского и Тюменского Дмитрия, медаль Святителя Филофея).

«ЛЕСНЫХ КЛЮЧЕЙ И СОСЕН ЗВОН...»

К 140-летию со дня рождения великого русского поэта Н. А. Клюева

Путешествие по клюевским местам

Из тумана забвения

...Будто наяву попал я в давно забытую сказку. Дверь отворилась, взору предстала светлая горница в три окна. С этажерки свисали плетёные лапти, каких уже нигде не увидишь. На широком столе царствовал краснощёкий самовар. Поодаль манил своей тайной старинный, обвитый оковкой сундук с изображением птицы Сирип. Казалось, лишь позови, и взмахнёт она крыльями, и взвьётся в поднебесье. Тут же звал к себе вместительный дорожный саквояж, напоминая о путешествиях хозяина. В углу стоял ещё не расстеленный персидский ковёр, хотелось раскатать его и сесть отдохнуть, почаёвничать...

И вот почудилось, что за окошком мир с его смартфонами и войнами, торжеством торгашей и зловещими пандемиями, нескончаемым восхвалением олигархов и несчастьем угнетаемых растворился в бездне времён, исчез, словно дым от ветра. А здесь душу заполняла сказочность, где всякая вещь была весьма значимой. Она могла кое-что поведать о том, кому принадлежала...

Выходило почти так, как в стихах Александра Блока про сонную бухту, где «спала зелёная вода»:

*Как мало в этой жизни надо
Нам, детям, – и тебе и мне.
Ведь сердце радоваться радо
И самой малой новизне.
Случайно на ноже карманном
Найди пылинку дальних стран –
И мир опять предстанет странным,
Закутанным в цветной туман!*

Певца Петербурга вспомнил я не случайно. Он лично дружил с хозяином предметов, упомянутых выше. Мы – в литературном музее известного поэта Николая Клюева, в старинном деревянном доме в центре достопамятной Вытегры на берегу Онежского озера. Мало кто из любителей стихов

Бер - Николай Клюев

Клюева верил в открытие музея, а пролетело уже три десятка годов. К тому моменту подоспели и другие неординарные события. В Петербурге впервые вышли в свет две наиболее полные творческие биографии поэта. А в Вологду, опять же впервые, из Томска передали архивные материалы бывшего КГБ (Комитета государственной безопасности СССР), раскрывающие «тайну» трагедии писателя. Под грифом «секретно» бумаги пролежали в спецхранах более полувека. Обычным же советским гражданам официальная пропаганда представляла Клюева, настоящего патриота России, непременно «врагом народа»...

Так началось возвращение людям наследия выдающегося художника слова. И я, дорогой читатель, предлагаю окунуться в истоки творчества Клюева, мысленно пройти по местам, где он слагал первые строки, где мужал его талант.

Отшельником не был

...Олонекское небо, чистой, нежной голубизны, одаривало последним мягким теплом. Ветерок играл в верхушках деревьев, редкие побуревшие листья, казалось, позванивали, будто колокольчики. Бывший Воскресенский проспект Вытегры, святясь осенними красками и утопая в тишине, быстрой стрелой улетал куда-то далеко-далеко...

Главная улица города моряков как бы терялась в Прионежской тайге, в неведомой озёрной глуши. Здесь не ощущалась лихорадка современных событий. Но стоило только прикрыть глаза, отдаться во власть времени – и представлялось, будто начало и конец столетия сомкнулись на нешумных улочках, наполняя их будоражащим азартом перемен.

Чудилось: перестав колдовать над листом бумаги, оставив пышущий самовар, оторвавшись от вековой книжицы «Поморские ответы», из углового зелёного дома выйдет сам хозяин. Коренастый, широкий в плечах, с окладистой бородой и пронизательным взглядом, он скорой походкой зашагает по улице. И, ощутив обращённые к нему, ждущие истины взгляды, перешагнёт зарок не выступать, отринет ледяной, унижительный опыт ареста, встанет перед людьми ради единственного – поведать им правду. Так было в 1918 году, так было и раньше – в 1906 году.

Сам хозяин – Николай Клюев. Даже столь малая деталь разрушает культивированный «официальной идеологией» образ лапотника-мужичка, скитского затворника, отшельника в краю Олонекском. В реальности было нечто другое. Экспозиции музея – в том самом зелёном домике, откуда, увы, никогда не выйдет поэт, но куда к нему идут и будут идти новые поколения, подтверждают это. Николай Алексеевич едва ли не с юных лет был и оставался позже активной – и социально и творчески – личностью. Чуждый лжи и равнодушия, он страстно желал счастливой доли для каждого человека, но прежде всего – для крестьянина. В пору первой русской революции (1905–1907) он угодил в «острог», сперва в Вытегре, а позже в Петрозаводске. Когда освободили, выступая на митинге, он признался: «Я шесть месяцев просидел в тюрьме только за то, что сказал крестьянам, что есть лучшая жизнь на земле, что есть средства бороться с тиранией» (газета «Олонекский край», 1906 г.).

Сохранились воспоминания о Клюеве как о блестящем ораторе, который глубоко воздействовал на публику. Одновременно он являлся и столь же искусным публицистом. Приведу только два факта. Клюевские размышления о жизни крестьян и народной культуре под названием «С родного берега» до глубины души потрясли известного поэта Александра Блока в Петербурге.

Статья Николая Алексеевича «В чёрные дни (Из письма крестьянина)» оказалась настолько острой и злободневной, что цензура закрыла «Наш журнал», который рискнул её напечатать. Главный редактор В. Миролюбов, ещё ранее уехавший из России, не мог вернуться домой и вынужденно жил за границей, пока не «рассеялись тучи». Он приехал на Родину в 1913 году.

Что же так перепугало петербургского цензора?

«С сердцем полным тоски и гневной обиды пишу я эти строки, – так начинал свою исповедь Клюев. – В страшное время борьбы, когда все силы преисподней ополчились против народной правды, когда пущены в ход все средства и способы изошрённой хитрости, вероломства и лютости правителей

страны, – наши златоусты, так ещё недавно певшие хвалы священному стягу свободы и коленопреклонённо славившие подвиги мученичества, видя в них залог великой вселенской радости, ныне, сокрушённые видимым торжеством произвола, и не находя оправдания своей личной слабости, дерзают публично заявлять, что руки их умыты, что они сделали всё, что могли для дела революции, что народ – фефёла – не зажётся огнём их учения, остался равнодушным к крестным жертвам революционной интеллигенции, не пошёл за великим словом – Земля и Воля.

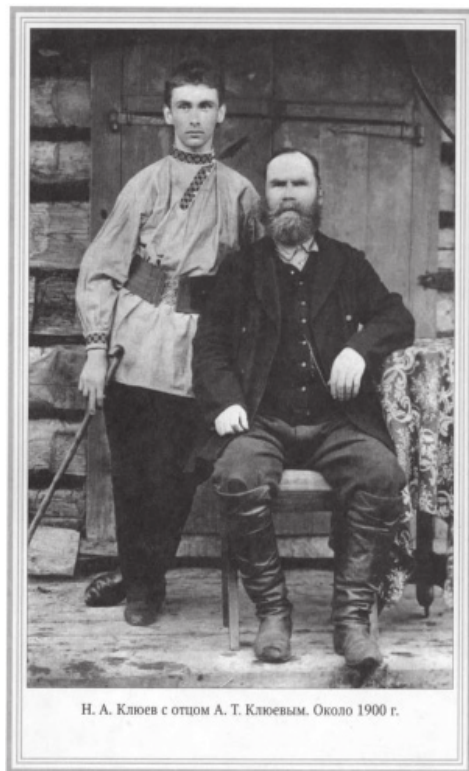
Проклятие вам, глашатаи, – ложные!»

Резкое негодование цензора и Судебной палаты вызвал сам тон публикации и позиция автора, что они расценили как «признаки преступного деяния».

Тираж номера «Наш журнал» (№ 4, 1908 г.) был полностью уничтожен.

Публицистика Клюева – не известная широкому читателю, не исследованная, несомненно, представляет общественный интерес и ждёт своего часа. Но она – только прелюдия, только присказка к главному и корневому духовному наследию – поэзии.

А откуда взялось нечто чудесное, которое вдохновляло автора?

Н. А. Клюев с отцом А. Т. Клюевым. Около 1900 г.

«Сосны молятся, ладан курия...»

Грунтовая дорога бежала в сторону Карелии. Где-то совсем рядом плескало барашковыми волнами неоглядное Онежское озеро – сакральное для здешних мест. С лесистого холма, куда мы въехали, взгляду предстали пронзительные пейзажи, сердце затрепетало. Слава богу, всемогущий человек ещё не стёр их с лица земли. Оглядываясь окрест, невольно я вспомнил строки Николая Клюева:

*В златотканые дни сентября
Мнится папертью бора опушка,
Сосны молятся, ладан курия,
Над твоей опустелой избушкой...*

Какие чистые, проникающие до глубины души созвучья!

Они как бы рождены самой природой Заонежья. Научиться подобно чувствовать и понимать вряд ли возможно, этим овладеешь, лишь слившись воедино с окружающим тебя мирозданием.

Вдоль речки Андомы рассыпались деревеньки поселения Макачёво – отчего приюта поэта, где прошли детство и отрочество. Сюда вскоре после рождения сына Николы 10 (22) октября 1884 года, третьего ребёнка, семья Алексея Тимофеевича Клюева, бывшего урядника, переехала из села Коштуги. Оставив службу, хозяин занялся на новом месте торговлей. Лавка помещалась в доме, разделив его наполовину. Деревенька прозывалась Жевлачёво.

...И вот я стою возле останков родного гнезда поэта. Сам дом, где он появился на свет, давно перевезли на центральную усадьбу колхоза, частично реставрировали, разместили там детский садик. Грустно, конечно, что не сберегли. Эту грусть немного скрашивали живописные окрестности. Северная олонецкая природа, бесспорно, сыграла исключительную роль в духовно-поэтическом становлении Клюева. Он, опять же вопреки расхожему трафарету, не был, как и отец, крестьянином в прямом смысле, хотя всегда подчёркивал, что крестьянин. На противоречие обратил внимание в 70-е годы прошлого века первый биограф поэта – журналист и краевед из Петрозаводска Андрей Грунтов. На мой взгляд, по большому счёту, противоречие всё же формальное. Будущий поэт рос в крестьянской среде, впитывал её. Неизгладимый след оставила в его душе мать Прасковья

Андрей Грунтов с жителями деревни Макачёво

Вытегра музей Клюева

Дмитриевна – сказительница, плакальница, знавшая и фольклор, и церковные песни, и народные обычаи.

Слово! В нём – ключ ко многим «тайникам» стихии народной. По слову, а вернее – через слово, коли глубоко вдуматься, коли воспринять неравнодушным сердцем, можно и должно познать обычаи, культуру, этические народные заповеди. Мы же многие слова по-настоящему давным-давно позабыли. Наше общество, взвихренное социальными потрясениями когда-то в начале прошлого столетия, а теперь – и подавно, теряет, будто дорогие бусинки из бесконечного ожерелья, неповторимые особенности родного языка, а вместе с тем – немалую часть культуры.

Николай Клюев был одним из тех, кто пошёл поперёк процесса потерь. Он подбирал драгоценные янтари – слова, которые с новой, необычной силой заискрились в его поэзии.

*На распутьях дальнего скитанья,
Как пчела медвяную росу,
Соберу певучие сказанья
И тебе, родимый, принесу...*

Певучие сказанья! Какое точное, неповторимое выражение!

Не только из самой Природы, понимая её голос, но и из родников фольклора щедро черпал поэт, выражая собственные чувства и помыслы.

Грустно и горько, что потомки тех, кто вспоил его песенное творчество, в частности, жители Макачёва, отдалённо, как бы понаслышке знают о знаменитом земляке, о его прозрениях и болях. Не удалось здесь сбегать к могиле отца и матери. По преданию, они были похоронены возле Верхнепятницкой церкви, ныне своим разрушенным видом она напоминает иллюстрацию к какой-нибудь картине о походе татарских полчищ Мамай на Нижегородскую Русь...

Нет, ни в коей мере я не упрекаю вытегорцев, что было бы нелепо. К «отсечению», к «отстранению» Николая Клюева не только от земляков, но и от всего русского народа приложили нечистые руки «сильные мира сего», и глухой звук от этого рукоприкладства долго летел над страной через десятилетия... Не исключаю, что одной из причин могла быть обыкновенная зависть к яркому, самобытному таланту.

В русскую литературу Клюев вошёл стремительно, сразу подтвердил оригинальность своего дара. Знакомый с бытием народа, он радостно, доброжелательно встречал революционные перемены, надеясь, что произойдёт улучшение положения крестьян не только в родной Олонецкой губернии, но и во всей России. Его, очевидно, сообразуясь с внешним видом, относили тогда, да и теперь часто относят к «новокрестьянскому» направлению в русской поэзии. Ох уж эти разделения по «школам», не говоря уже о том, что общекрестьянские обычаи и традиции испокон веков были в России и общенародными. Удивляюсь, как до сих пор вещего Бояна, по мнению некоторых исследователей, одного из авторов древнерусского «Слова о полку Игореве», не причислили к какому-то «направлению»...

Столь же не подходят рамки и для Клюева. Это был «людской» писатель, выражавший духовные поиски народа – разбуженную временем волю и энергию, жажду лучшей доли. Притом Клюев являлся как бы заглавной фигурой, «коренником», за ним тянулись (конечно, с долей условности)

Участники Клюевских чтений у памятника поэту

Сергей Есенин, Сергей Клычков, ещё некоторые авторы. Да и в определённой мере и сам Александр Александрович Блок, которого привлекало в Ключеве то, чего самому не хватало – цельное православно-мировоззрение.

Без «братского царства»

Бурная эпоха утекала, будто вода сквозь пальцы. По инерции История ещё сопротивлялась уготованной ей узде. Но с каждым новым днём поэт всё больше ощущал в себе самом, в окружающем мире нарастающую противоречивость, неопределённость, крушение надежд. В себе: был членом партии, но за религиозность его исключили. В окружающем: усиливалось противостояние между избой, то есть укладом народной жизни, и железной поступью времени. В эпохе: требования крестьян, за которые Клюев боролся ещё с 1905 года, – управление не чиновников, а выборных от народа, передача земли без выкупа, обязательное бесплатное обучение, свобода слова, союзов, собраний, печати и т. д. – отступили куда-то, как бы размылись. Вроде бы близкая «обетованная земля» уходила из-под ног, родимая почва колебалась, вместо братского царства правители забирали круто в сторону, не считаясь ни с кровью, ни с жертвами, ни с голодом.

Всё это предопределяло и внешний кризис для Клюева.

Писатель, умудрённый творческим и житейским опытом, признанный ведущими литераторами России, он почувствовал себя «инородным телом» в создаваемых наспех пролеткультовских структурах для литературы. Правившие в них «неистовые ревнители» старательно выискивали «извивы» в судьбе и творчестве поэта. Круг изданий, где он мог печататься, сужался до крохотной ледяной полыньи. Фактически он остался без заработка – традиционный удел многих больших писателей России. Но в груди на зло всему горел «огонь аввакумовский», на бумагу ложились пронзительные строки.

*Мы тонули в крови до пуза,
В огонь бросали детей.
Отчего же небесный кузов
На лучи и зори скупей?*

Если бы «железные Феликсы» больших и малых рангов не вмешивались в художественное и любое другое творчество...

Но, увы, вмешивались!

В октябре 1922 года Лев Троцкий (Бронштейн), на тот момент являвшийся председателем Реввоенсовета, опубликовал в одной из центральных газет статью, где представил собственные размышления о поэтике Н. Клюева. Позже эта публикация вошла в его книгу «Литература и революция», изданную в Москве в 1923 году. «Если отнять у Клюева его крестьянство, – считал Бронштейн, – то его душа не то что окажется неприкаянной, а от неё вообще ничего не останется. Ибо индивидуальность Клюева находит себя в художественном выражении мужика, самостоятельного, сытого (*выходит, добродетельным может быть только голодный?* – Г. С.), избыточного, эгоистично-свободолюбивого. Всякий мужик есть мужик, но не всякий выразит себя. Мужик, сумевший на языке новой художественной техники выразить себя самого и самодовлеющий свой мир, или, иначе, мужик, пронёсший свою мужицкую душу через буржуазную выучку, есть индивидуальность крупная – и это Клюев... Клюев учился. Где и чему, не знаем, но распоряжается он знаниями как начётчик и ещё как скопидом... Клюев – поэт замкнутого и в основе своей малоподвижного мира, но всё же сильно изменившегося с 1861 г. Клюев не Кольцов: сто лет прошло не даром. Кольцов простоват, покорен, скромнен. Клюев много сложнее, требовательней, затейливей, и новую стихотворную технику он вывез из города, как сосед вывез оттуда граммофон... Стихи Клюева, как мысль его, как быт его, не динамичны...»

Характеристики у Бронштейна, прямо скажем, уничижительные. Надо полагать, что Троцкий, как человек далёкий от русского крестьянства и русской литературы, выразил собственное, как бы внешнее и довольно примитивное, понимание поэзии Николая Клюева. А если выразиться точнее – собственное непонимание его творчества. Если бы автор был сотоварищем по литературному цеху, критиком – куда ни шло. А тут – едва ли не главная административная фигура в государстве! За такими его высказываниями проглядывала политическая подоплёка – узкий классовый подход к явлениям литературы.

Каковы же выводы Троцкого?

«Клюев приемлет революцию, потому что она освобождает крестьянина, и поёт ей много своих песен, – продолжал «чёрный демон» революции. – Но его революция без политической динамики, без исторической перспективы... Золотые деревья Свесят гроздьями созвучья, Алконостами слова Порассядутся на сучья. Медный кит...»

Вот поэтика Клюева целиком. Какая тут революция, борьба, динамика, устремление к новому? Тут покой, заколдованная неподвижность, сусальная сказочность, билибинщина: “алконостами слова рассыдутся по сучьям”. Взглянуть на это любопытно, но жить в этой обстановке современному человеку нельзя... Каков будет дальнейший путь Клюева: к революции или от неё? Скорее от революции: слишком он уж насыщен прошлым. Духовная замкнутость и эстетическая самобытность деревни, несмотря даже на временное ослабление города, явно на ущербе. На ущербе как будто и Клюев...»

Что можно сказать об опусе Троцкого, сочиняя который, он претендовал на лавры литературного критика? На первом месте у него – политическая тенденциозность. В приведённых «размышлениях о поэтике» Н. Клюева на самом деле нет и попытки понять огромный поэтический мир Николая Алексеевича.

Это был, скорее, не анализ творчества, а приговор автору от одного из ведущих деятелей «большевистского кагала», большого «любителя русской крови». Красноречиво признание Лейбы Бронштейна: «В годы войны в моих руках сосредоточилась власть, которую практически можно назвать беспредельной...»

Ослеплённый вот этой безграничной властью, Троцкий смотрел на русского национального гения как на человека «второго сорта». И, думаю, не сомневался в выводах, что последуют за его «оценками». Ведь вещал властитель с «Лениным в башке, с наганом в руке», его намёки воспринимались челядью весьма определённо. Готовилось широкое наступление «на кулака». И все, кто мешал изгнанию из деревни умеющего работать мужика, а Клюев своим творчеством именно мешал, должны были быть изолированы...

Так Троцкий обозначил линию преследования крестьянских поэтов, выразивших в своём творчестве чаяния русского народа. А сами поэты не имели ни права, ни возможности возразить, дать отпор лидеру международного сионизма.

«Большое видится на расстоянье...»

В то же время, спустя год после выхода упомянутой книги «кумира большевиков», друг и единомышленник Клюева – поэт Сергей Есенин – сочинил стихотворение «Письмо к женщине». В нём он старался осмыслить страшные события, происходившие в России, и своё место в них.

*Не знали вы,
Что я в сплошном дыму,
В разворочённом бурей быте,
С того и мучаюсь, что не пойму,
Куда несёт нас рок событий.
Лицом к лицу
Лица не увидать.
Большое видится на расстоянье.
Когда кипит морская гладь –
Корабль в плачевном состоянии.*

Если Сергей Есенин «склонился над стаканом, чтоб, не страдая ни о ком, себя сгубить в угаре пьяном», то его старший товарищ и наставник Николай Клюев искал и находил опору в истории Руси, её народных обычаях и обрядах, в песнях и преданиях и, конечно, в православной вере во Христа.

Это была твёрдая, непоколебимая почва!

Она-то и вызывала скрытую ненависть, переходящую в бешенство, у Троцкого и его окружения. К тому же председатель Реввоенсовета был крутой масон, а их справедливо относят к «клану человекоподобных нелюдей».

Ныне, с высоты минувшего – а это целый век, мы ясно видим: столкнулись два мировоззрения, две идеологии. Русская, национальная, человеколюбивая – в лице Клюева, и интернациональная, еврейско-сионистская, русофобская – в лице Троцкого. Совместить их в той реальности было невозможно.

«Человек, как высшее Божие творение, должен отражать в себе Бога, стать как бы совершенно прозрачным для благодати – нетварного Фаворского света, – писал современный богослов, епископ Питирим. – Таково христианское осмысление любого творчества – через призму духовного».

Именно к этому и стремился Николай Клюев, а Лев Троцкий – к кровавой «политической целесообразности».

...Холод, нужда, изоляция от читателя. Казалось бы, Николай Клюев деморализован, разбит, сломлен. Но мы видим как раз обратное, своего рода чудо – сила духа не изменяет ему, воля к творчеству не ослабевает, а возрастает. Думаю, в определённой мере это было связано с тем, что он чуть раньше отрёкся (по крайней мере, в душе!) от символизма, имажинизма и прочего новаторства, сохраняя «духовный реализм». Показательна полемика с Константином Бальмонтом, который в стихотворении «Оттуда» писал:

*Я обещаю вам сады,
Где поселитесь вы навеки,
Где свежесть утренней звезды,
Где спят нешепчущие реки...*

А вот ответ Николая Клюева, который он так и назвал – «Вы обещали нам сады»:

*Вы обещали нам сады
В краю улыбочиво-далёком,
Где снеть – волшебные плоды,
Живым питающие соком.*

*Вещали вы: «Далёких зла,
Мы вас от горестей укроем,
И поражённые тела
В ручьях целительных омоем».*

*На зов пришли: Чума, Увечье,
Убийство, Голод и Разврат,
С лица – вампиры, по наречью –
В глухом ущелье водопад.*

*За ними следом Страх тлетворный
С дырявой бедностью пошли, –
И облетел ваш сад узорный,
Ручьи отравой потекли.*

*За пришлецами напоследок
Идём неведомые Мы, –
Наш аромат смолист и едок,
Мы освежительней зимы.*

*Вскормили нас ущелий недра,
Вспоил дождями небосклон,
Мы – валуны, седые кедры,
Лесных ключей и сосен звон.*

...Обращаясь к эпическому жанру, но оставаясь верным фольклорной манере, Клюев переживает, пожалуй, наивысший творческий подъём. Он создаёт крупные поэмы (можно их назвать повестями в стихах) – «Погорельщина», «Песнь о великой матери», «Разруха». По глубине понимания предстоящей судьбы Родины поэму «Погорельщина» трудно с чем-либо сравнить. В ней с потрясающим пророчеством предсказаны вымирание русских деревень и фактически наше нынешнее состояние – уже как следствие этого вымирания. Картина гибели деревни Сиговый Лоб (Сигвец, Великий Сиг) проходит через всю поэму, олицетворяя и народную долю: «Так погибал Великий Сиг, / Заставкою из древних книг, / Где Стратилатом на коне / Душа России, вся в огне, / Летит ко граду, чьи врата / Под знаком чаши и креста!»

И ещё одно признание:

*Разбиты писанные сани,
Издых ретивых коренник,
И только ворон на-заране,
Ширяя клювом в мёртвой ране,
Гнусавый испускает крик!*

Казалось бы, поклониться надо было поэту в пояс, прислушаться к его тревожному голосу. Куда там! Вместо понимания и благодарности – арест.

Вместо признания – ссылка в смертные нарынские снега в далёкой Сибири.

Сбывались, так сказать, «пророчества» Троцкого.

Но если мы вернёмся к формуле Есенина «Лицом к лицу лица не увидать», то очевидна ценность одного и другого. Николай Клюев – большое явления в русской и мировой культуре, Лев Троцкий – чёрное, смердящее пятно в русской истории, не более того.

«Отражает кулацкую идеологию»

Не имея компромата, Клюева арестовали в Москве в начале 1934 года. Некто Шиваров, оперуполномоченный ОГПУ, ему поручили вести дело, приписал модную мотивировку: «Активно вёл антисоветскую агитацию путём распространения своих контрреволюционных произведений». На допросе поэт не скрывал убеждений: политика коллективизации и индустриализации в том виде, в котором проводилась, – трагедия, гибель для миллионов русских людей, разрушение основ и красоты народной жизни. Да, Николай Алексеевич говорил правду, как когда-то говорил её в 1906-м. Но трудно

поверить, будто он сам признал, что его “Погорельщина” – “поэма с реакционным направлением, отражает кулацкую идеологию”». Это, скорее всего, как и сам беспочвенный арест, – фальшивка тех, кто вёл допрос.

Итак, Сибирь, конвой, долгие ночи и страшные дни.

Ныне о ссылке, о пребывании поэта в Колпашове, а потом в Томске достаточно известно. Там Николая Алексеевича арестовали во второй раз в июне 1937 года, якобы как одного из руководителей монархической контрреволюционной организации. Ну, чушь полная! У поэта отобрали девять книг и десять школьных тетрадей рукописей. Уже позже, в 1965 году, из Центрального государственного архива литературы и искусства в Томск сделали запрос по поводу рукописей, ответ последовал: «Сведений о них нет».

Как и три года назад, сценарий обвинения Клюева продумали до «мелочей», ни одного факта компромата или изобличающего материала не предъявили. Всё построили на «показаниях» ссыльных, которые, опять же, не приводили реальных фактов. Никакого суда не было. Клюев не признал себя виновным. Тем не менее «тройка» УНКВД Западно-Сибирского края приговорила поэта к расстрелу 13 октября 1937 года. Примерно через 10–12 дней палачи привели приговор в исполнение. Великому русскому поэту было всего 53 года.

Жить бы и жить да творить!

Могила Клюева неизвестна.

Невозможно без внутреннего содрогания и омерзения читать протест военного прокурора Сибирского военного округа П. Орлова, направленный 22 июня 1960 года в военный трибунал Сибирского военного округа. Там говорится, что Клюев не был агентом японской и других иностранных разведок, а монархической организации в крае не существовало, материалы о ней сфабрикованы органами УНКВД...

Вскоре постановление «тройки» по Новосибирской области по делу Клюева отменили – за «отсутствием состава преступления».

Итак, спустя двадцать три года после казни безвинного, оклеветанного, униженного поэта справедливость вроде бы восторжествовала – его реабилитировали. Но неприятный осадок остался. Никто из палачей не понёс никакого наказания, даже морального. Ни один представитель государства не принёс извинение русскому народу за злодеяния над поэтическим гением. «Надменные потомки» – сказал о подобных людях Михаил Лермонтов.

Так и есть!

Воскресшая молитва

Да, потребовалось ещё почти три десятилетия, чтобы наступила фактическая реабилитация поэта Николая Клюева. «Точка отсчёта» – литературные чтения в связи со столетием со дня рождения, проведённые в Вытегре. Инициативу проявил краевед Сергей Иванович Субботин. Всё же, каким бы тяжёлым не было «табу на поэта», оно не ослабило тягу людей к личности и творчеству самобытного творца. Может, с риском для жизни журналист Н. Архипов сберёг стихи своего друга из Вытегры и записи бесед с ним, а позже передал в Пушкинский Дом в Петербурге, где они и хранятся.

Другой поклонник творчества Клюева журналист из Петрозаводска Александр Константинович Грунтов, проведя большие архивные исследования, написал подлинную биографию поэта, а также стал вдохновителем создания музея в Вытегре. Начинали с «нуля». В 1969 году жительница Вытегры принесла музейщикам книгу «Песнослов» с дарственной надписью Клюева доктору Минорскому. В семье тверского поэта Сергея Клычкова, с ним дружил Клюев, хранились личные вещи Николая Алексеевича – дорожный самовар, ковёр и другие, их передали в музей. Много сил приложили к созданию музея первый директор Т. Макарова и сотрудники. Теперь такому собранию могут позавидовать и в столице. Все, кто был неравнодушен к Клюеву, мечтали о памятнике.

Известный учёный-литературовед Александр Михайлов предложил скульптору Сергею Алипову подумать о создании монумента. Тем более что у того уже был опыт скульптурных эскизов Сергея Есенина, Анны Ахматовой, Бориса Пастернака... Над воплощением идеи Сергей Алипов и архитектор Леонид Беркович работали более 10 лет. В 2016 году памятник Николаю Клюеву торжественно открыли на Красной Горке в Вытегре.

...Отраднo, что постижение художественного мира Клюева продолжается и в наши дни. Своего рода откровением стала книга «ПРАВОСЛАВНОЕ СЛОВО в творчестве вологодских писателей» профессора Вологодского университета, известного литературоведа и прозаика Людмилы Григорьевны Яцкевич (21.11.1944–26.01.2022).

Клюеву в ней уделена главная часть. «Русская поэзия является высшей формой выражения национального сознания, – уверена автор. – В годину лихолетья, в смутное время человек обращается к ней как к источнику духовных сил, необходимых ему для преодоления тёмного хаоса безвременья и последующего возрождения.

Давно замечено, что русская культура имеет прерывистый характер в силу трагического течения её истории. Творчество Н. А. Клюева связывает “цепь времён”, прошлое и будущее России в единое целое. В этом заключается великая созидаящая сила его поэзии.

Нередко масштабы личности поэта и его творчества неправомерно сужают в социально-культурном плане, включая его в группу новокрестьянских поэтов, ограничивают в географическом плане, называя его олонецким поэтом, и наконец, в плане духовном – связывая своеобразие его творчества исключительно с расколом и сектантством. С другой стороны, поэтическое наследие Н. А. Клюева пытаются оторвать от исконно русских корней. Так, парижский исследователь Эммануил Райс начинает свою статью с обобщения: “От всего облика Клюева веет каким-то холодком. Он как бы всем чужой”.

Однако это лишь субъективное впечатление.

Сам Клюев, словно возражая парижанину, писал о своей сердечной связи с Россией и её святынями:

*Сердце, сердце, русской удали жильё,
На тебя ли ворон точит лезвиё,
Чтоб не пело ты, как воды в ледоход,
Чтобы верба за иконой не цвела,
Не гудели на Руси колокола...*

Заметим, что слова *сердце, душа, Русь, Россия* относятся к самым частотным в поэтическом словаре Клюева. Слово *сердце* употребляется 190 раз, *душа* – 240, *Русь, Россия* – 170».

«Поэзия Клюева – не развлекательное чтиво, – заметила одна из сотрудниц музея, – её нельзя называть, каждый должен прийти к ней сам...»

Пожалуй, верно!

Когда-то Клюев сказал: «Изба – святилище земли». Ныне понимаешь: его перевитое музыкой творчество – святилище души. У вологодского поэта Юрия Леднева в триптихе, посвящённом Николаю Клюеву, есть строки:

*Диковинный стих среди ора и пьяни
Воскрешей молитвой горит неспроста...*

Да, горит!

Непогодь, бури века не в силах его погасить.

